

АСЯ
ВЕРНАДСКАЯ

БЫВШИЕ

Осколки разбитого сердца

современный любовный роман

Ася Вернадская

Бывшие. Осколки разбитого сердца

<https://litres.ru/74346567>

Аннотация

— Тебя здесь никто не ждал, — сказала дочь Егора и швырнула камень в мою машину.

Она права. Меня здесь не ждали. Пятнадцать лет назад меня вышвырнули из этого посёлка с клеймом продажной женщины. Лучший друг моего жениха сказал, что я «сама залезла». Ему поверили. Егор поверил. А я сбежала.

Теперь я вернулась продать бабушкин дом. Но прошлое меня настигло. Егор смотрит с ненавистью. Стас, который сломал мне жизнь, стал депутатом и сделает всё, чтобы правда не всплыла.

Они думали, что я буду и дальше молчать? Они ошиблись.

В книге есть:

♥#От ненависти до любви

♥#Встреча через время

♥#Сильная героиня

♥#Настоящий мужчина

♥#Острые эмоции

Книга участвует в литмобе "Бывшие. Память о любви"

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	15
Глава 4	21
Визуализация	27
Глава 5	28
Глава 6	33
Глава 7	41
Глава 8	49
Глава 9	56
Глава 10	65
Глава 11	73
Глава 12	79
Глава 13	84
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Глава 1

— Ваша бабушка умерла. Примите мои соболезнования.

Я смотрю на нотариуса — пожилую женщину в очках на цепочке — и жду, что она сейчас добавит: «Это шутка». Или: «Произошла ошибка». Но она молчит. Просто смотрит на меня поверх очков, и в глазах у неё читается сочувствие. Спокойное, профессиональное сочувствие человека, который сообщает плохие новости по десять раз на дню.

Я держу в руках копию свидетельства о смерти и пытаюсь сложить пазл, который не складывается.

Бабушка умерла.

Я узнала об этом только что. Пять минут назад. От нотариуса.

Пять минут назад я вошла в этот кабинет, думая, что меня ждёт какая-то бюрократическая ерунда: налоговая, страховая, что угодно. Но никак не это.

— Умерла, — повторяю я. — Когда?

— Полгода назад.

Как так? Полгода? Шесть месяцев.

Я молчу. В кабинете тихо, только слышно, как на первом этаже хлопает входная дверь.

Полгода я покупала продукты, меняла постельное бельё, стояла в пробках и злилась, что опаздываю на работу. Полгода она уже лежит в земле, а я думала, что она просто не

хочет звонить. Что характер показывает. Я злилась на неё за молчание, а её уже не было.

— Почему мне не сообщили? — как во сне произношу я.

Нотариус пододвигает ко мне лист бумаги. Я смотрю на него и не понимаю, что это.

— Ваша бабушка оставила письменное распоряжение. — Она поправляет очки. — Завещание и само распоряжение легли ко мне на стол только вчера. Их передал поверенный, у которого они хранились. Он умер месяц назад, и бумаги нашли при разборе архива.

Она делает паузу и зачитывает:

— «Внучку Асю о моей смерти не извещать. На похороны не звать. Нечего ей в посёлок возвращаться. Ей там не рады».

Я зажмуриваюсь. Перед глазами встаёт морщинистое, строгое лицо бабушки с вечно поджатыми губами. Она никогда не была ласковой. Никогда не обнимала меня. Но она была единственной, кто не назвал меня шлюхой в тот вечер. Она обняла меня и сказала: «Уезжай. Уезжай, милая, здесь тебе жизни не дадут». Она собрала все деньги, которые у неё были, и я переехала в город. И никогда, ни разу, не вернулась обратно в посёлок.

И вот теперь её нет. А я даже не попрощалась.

Я не звонила ей год точно. Думала: завтра. Она же вечная. Все бабушки вечные, пока жизнь не доказывает обратного.

Перечитываю строчки распоряжения. Раз. Другой. Третий. Твёрдый бабушкин почерк с наклоном влево. Она все-

гда писала так, будто вколачивала буквы в бумагу. «Ей там не рады».

Я не могу заплакать. Слезы стоят где-то глубоко, но наружу не выходят. Может, и правда разучилась.

— Зачем вы тогда меня вызвали? Если бабушка просила не сообщать?

— Потому что она оставила вам наследство. — Нотариус достаёт ещё один документ. — Дом по адресу: улица Набережная, семь. Если вы откажетесь от наследства, он отойдёт государству.

Набережная, 7.

Адрес, который я мечтала забыть. Адрес, по которому случилось всё самое лучшее в моей жизни и всё самое страшное. Там я была счастлива. Там меня убили. Не физически. Хуже. Там убили во мне веру в людей. В любовь. В справедливость.

— Спасибо.

Я выхожу из кабинета, сжимая в руке копию завещания. В коридоре пахнет старой мебелью и сургучом. За окном — солнце, машины, люди идут по своим делам. А у меня внутри — вакуум. Бабушка умерла. Полгода назад. А я не знала.

Перечитываю документы трижды, стоя у машины. Бабушка знала, что я всё равно узнаю и всё равно приеду. Рано или поздно. И решила, что лучше — поздно.

Сажусь в машину. Бумаги соскальзывают с пассажирского сиденья и падают вниз, когда я выворачиваю руль. Напро-

тив нотариальной конторы стоит рекламный щит: «Заслуженный отдых в горах». Почти смешно. А меня ждёт не отдых. Меня ждёт посёлок, где каждая собака помнит, как меня вышвырнули оттуда. Где живёт тот, кого я любила, и тот, кого я ненавидела.

Я завожу мотор. Руки ходят ходуном.

— Чёрт, — говорю я вслух. — Чёрт, чёрт, чёрт.

Через три дня я въезжаю в посёлок.

Если вы любите читать о втором шансе, о предательстве, которое не забыть, и о любви, которая не умирает, вот вам целая библиотека книг об этом.

Роман является участником литмоба «Бывшие. Память о любви.»

<https://litnet.com/shrt/zAiS>

Глава 2

Сообщение от риелтора пришло ещё в городе, за день до отъезда. Я перечитала его трижды, потом ругнулась матом и всё равно села в машину.

«Уважаемая Ася Викторовна! Ознакомился с объектом по адресу ул. Набережная, 7. Состояние аварийное. Рекомендую снос. Продать невозможно. Покупатели не заинтересованы. С уважением, Игнат».

Дом — не «в товарном виде». Дом — руина. Я знала это ещё до того, как выехала. И всё равно поехала. Я надеялась, что риелтор — паникёр. Что «аварийное» — это просто оторванная труба и выбитые стёкла. Что фундамент ещё живой, а покупатель найдётся. Потому что план был чёткий: продать дом и забыть посёлок навсегда.

Через три дня я въезжаю в посёлок.

Пыль на грунтовке не оседает часами. Она висит в воздухе пыльной дымкой, оседает на капоте моего старенького «Фольксвагена», забивается в нос и скрипит на зубах. Я опускаю стекло, и в салон врывается запах нагретой полыни, речной воды и прелых яблок. Запах детства. Запах, который я не забыла даже спустя столько лет.

Дорога виляет в последний раз, и за пригорком показывается посёлок. Сначала — водонапорная башня, крашеная облупленной голубой краской. Потом — печные трубы, кры-

ши из профнастила, старая колокольня без креста. Всё такое же, как в тот день, когда я уехала. Только деревья вдоль главной улицы вымахали так, что сомкнулись кронами, и асфальт у сельсовета совсем растрескался.

Я сбрасываю скорость и въезжаю на улицу Мира.

Улица встречает меня взглядами. Справа, у колодца, женщина с полным ведром замирает и щурится, провожая машину долгим взглядом. Незнакомый автомобиль здесь является редкостью, а знакомый автомобиль, свернувший к Набережной, и вовсе событие. Слева, на лавочке у покосившегося забора, сидит старик. Он просто смотрит без интереса. Пока без интереса. Они ещё не знают, кто я. Узнают через полчаса, когда продавщица из магазина скажет жене тракториста, а та — почтальонше, а почтальонша — всем, у кого есть забор и телефон. Но сейчас, в эти несколько минут, я просто чужая машина на пыльной дороге.

Я сжимаю руль. Ладони потеют.

— Ничего, — говорю я вслух. — Ничего страшного. Ты просто продашь дом и уедешь.

У магазина я торможу. В горле першит от пыли. Вода в бутылке на пассажирском сиденье нагрелась и стала противно-тёплой. Надо купить холодной. Заодно проверю, помнит ли меня посёлок. Глупо, конечно. Такие вещи не забываются.

Подростки у входа оборачиваются первыми. Двое парней и девчонка. Я захожу в магазин. Внутри пахнет хлебом и

хозяйственным мылом. Так же, как пятнадцать лет назад. Продавщица уже не Вера, другая, помоложе, выглядывает из подсобки, вытирая руки о фартук.

— Здравствуйте. Мне воды, пожалуйста. Любую, только холодную.

Продавщица достаёт бутылку из холодильника, ставит на прилавок. Называет цену. Я протягиваю купюру, и тут она задерживает на мне взгляд. Чуть дольше, чем нужно для обычной покупки.

— Вы... Вернадская? Внучка Антонины?

— Да. А вы знали мою бабушку?

Продавщица не отвечает. Отсчитывает сдачу, кладёт на прилавок. Купюра к купюре, монета к монете, медленно, как будто тянет время. Потом поднимает глаза.

— Антонина говорила — не вернёшься.

Потом отворачивается к кассе, и я понимаю: информация уже пошла. Сарафанное радио в таких посёлках работает быстрее интернета.

Я беру бутылку и выхожу на улицу. Подростки у входа провожают меня долгим, недетским взглядом, но молчат.

Сажусь в машину, делаю глоток. Вода ледяная, до ломоты в зубах. Завожу мотор и еду дальше.

Навигатор пищит — пункт назначения через пятьдесят метров, хотя карта здесь врёт безбожно. Но мне не нужен навигатор. Я помню дорогу. Сворачиваю налево и останавливаюсь.

Дом стоит на отшибе, почти у самой реки. Когда-то бабушка называла его «дачей», хотя это обычная бревенчатая изба с пристройкой и большим садом. Сейчас сад одичал: вишни и яблони переплелись ветками, крапива поднялась в человеческий рост, а деревянный забор местами рухнул, местами держится на честном слове.

Но страшнее забора выглядит сам дом.

Крыша просела посередине. Окна заколочены крест-накрест досками. Крыльцо обрушилось на одну сторону, и дверь висит на одной петле, приоткрытая в тёмные сени, как рот, в котором не хватает зубов.

Я глушу двигатель и несколько минут сижу неподвижно.

Риелтор не соврал. Аварийное. Снос.

— Бабуль, ну и наследство ты мне оставила, — шепчу я. — Как будто не дом, а гроб. Очень символично, бабуль.

Выбираюсь из машины, разминая затёкшую спину. В кроссовки сразу набивается пыль. Где-то рядом шумит река. Стекланный, негромкий звук с металлическим звоном на перекате.

Вблизи дом выглядит ещё плачевнее. Я обхожу его по кругу. Фундамент пошёл трещинами. Водосточная труба оторвалась и валяется в бурьяне. Стёкла на веранде выбиты то ли ветром, то ли местной ребятнёй.

Сад спускается к реке. Я прохожу туда, раздвигая крапиву палкой, которую подбираю по дороге. У самой воды стоит старая скамейка, на которой бабушка любила сидеть по

вечерам. Дерево почернело и потрескалось, но скамейка выстояла.

Я сажусь.

Река течёт всё та же. Не широкая, с глинистым берегом и тёмной водой. На том берегу пасутся коровы. Всё как в детстве. И это самое страшное. Как в детстве, в котором я была счастлива. До того вечера.

В городе у меня — съёмная квартира, долги и нервное истощение, которое психолог назвал красивым словом «выгорание». Я взяла отпуск за свой счёт на два месяца. Думала — хватит. Быстро привести дом в товарный вид, продать хоть за какие-то копейки и забыть этот посёлок ещё на пятнадцать лет.

Но дом оказался не «в товарном виде», а в состоянии, при котором проще облить бензином и сжечь.

Я тру переносицу. В висках начинает пульсировать.

— Ладно, — говорю я вслух. — Без паники. Нужен осмотр. Внутри. Может, не всё так плохо.

Встаю и решительно направляюсь к дому.

Внутри пыльно, сумрачно и пахнет мышами. И ещё сушёной мятой, совсем слабо, на грани слышимости. Бабушка вешала пучки мяты над печью. И ещё здесь холодно. В старом доме всегда холоднее, чем снаружи, даже в июле. Я поёживаюсь.

Сени встречают меня горой какого-то хлама: старые ведра, сломанная прялка, коробки с истлевшими журналами. Я

чихаю. Луч фонарика в телефоне выхватывает из темноты обои в цветочек, отставшие от стен пластами, как кожа после ожога.

В комнатах не лучше. Печь пошла трещинами. С потолка свисают ключья штукатурки. Половицы скрипят так, что кажется сейчас провалятся.

Я поднимаюсь на чердак по шаткой лестнице.

Здесь светлее. Через дыру в крыше льётся солнечный луч, и в нём танцуют пылинки. Чердак завален старыми вещами, как и всё в этом доме. Сундук, коробки, прялка, какая-то мебель, накрытая пыльным покрывалом.

И шкатулка.

Она стоит на подоконнике слухового окна. Маленькая, деревянная, с резной крышкой. Бабушка хранила в ней письма.

Я замираю.

Я не хочу открывать. Честно — не хочу. Но руки сами тянутся. Пальцы подцепляют крышку. Петли скрипят.

Внутри лежат бумаги. Пожелтевшие, хрупкие. Бабушкины рецепты, открытка от подруги, какие-то квитанции. И ещё сложенный вчетверо лист в клеточку.

Я разворачиваю его. Бумага крошится на сгибах.

«Егор...»

Я опускаюсь на старый сундук, потому что ноги вдруг перестают держать. Зажмуриваюсь. Сердце гулко ударяет в грудную клетку. Открываю глаза.

«Егор, я не знаю, поверишь ли ты мне. В тот вечер...»

Дорогие читательницы!

Приветствую вас на страницах моей новинки. Обязательно добавляйте книгу в библиотеку, чтобы не потерять. Особо приятно будет от вас получить звёздочки. Это очень вдохновляет больше писать и чаще радовать вас новыми главами.

Приятного чтения!

Глава 3

Дальше текст обрывается. Письмо не дописано. Пятнадцать лет назад я сидела на этом самом чердаке, плакала и писала. Хотела объяснить. Хотела, чтобы он знал. А потом приехал его отец, и письмо осталось здесь.

Я комкаю листок. Хочу выбросить. Разжать пальцы. Но рука сама суёт его в карман джинсов.

Спускаюсь с чердака и выхожу на улицу. Солнце уже клонится к закату, и от реки тянет прохладой.

Нужно найти, где переночевать. В доме жить невозможно. Воды нет, света нет, крыша течёт. Гостиница в посёлке? Смешно. Может, кто-то сдаёт комнату.

Я завожу машину и медленно еду обратно в центр посёлка. Хочу проскочить мимо магазина незаметно, но не выходит.

Подростки всё ещё там. Те же трое. Двое парней и девчонка. Парни курят, и в воздухе висит горьковатый сигаретный дым, подсвеченный закатным солнцем. Девчонка сидит на корточках и ковыряет асфальт щепкой. Замечает машину и замирает.

Я притормаживаю, опускаю стекло.

— Ребята, подскажите, у вас в посёлке есть где переночевать? Может, комнату кто-то сдаёт?

Девчонка вскидывает голову. Светлые волосы, острый

подбородок, глаза серые, злые, совсем не детские.

— Это ты? — спрашивает она, и голос у неё ломкий, подростковый, с вызовом.

— Что?

— Ты — Вернадская? Которая в бабкин дом приехала?

— Я Ася, да. А ты...

Девчонка встаёт. Щепка летит в сторону. Она подходит к машине, и я вдруг замечаю, что пальцы у неё сжаты в кулаки.

— Я Саша. Егорова дочка.

Я смотрю на девчонку и вижу его. Тот же разрез глаз, та же линия скул, те же светлые волосы, только у него в юности они вились сильнее. У Егора дочь. Вот этого я не знала.

— Послушай, я просто...

— Вали отсюда, — говорит Саша. Громко, чётко, с расстановкой.

— Что?

— Вали из нашего посёлка. Тебя здесь никто не ждал.

Парни за её спиной гогочут. Один хлопает Сашу по плечу:

— О, Сашка, давай, врежь ей!

Я стискиваю руль.

— Я не собираюсь никуда уезжать, — говорю я ровно. — У меня здесь дела.

— Дела у неё, — кривится Саша. — Какие у тебя дела? Позориться опять? Или мужика ищешь, чтобы...

Она не договаривает. Наклоняется, подбирает с земли мелкий камень и с силой швыряет в машину.

Камень ударяет по задней двери. Звук такой, будто кто-то провёл гвоздём по металлу. Я вздрагиваю.

Саша разворачивается и, не оборачиваясь, шагает прочь. Парни, постояв ещё секунду, движутся за ней. Один оборачивается и показывает средний палец.

Я остаюсь сидеть в машине, глядя в боковое зеркало на царапину на двери. Белая полоса на синей краске.

— Отлично, — шепчу я. — Просто отлично.

Завожу мотор и трогаюсь. Еду медленно, сама не зная куда. Нужно найти ночлег. Нужно что-то решать с домом. Нужно собраться, включить голову, не распускать сопли.

Но в голове стоит только звон камня о дверцу и голос девчонки, дочери Егора.

Тебя здесь никто не ждал.

Я сворачиваю на грунтовку, ведущую к заправке. Единственной в посёлке. Там, говорят, есть какая-то комнатка для дальнобойщиков. Может, пустят.

Машина выезжает на площадку перед заправкой.

И я вижу его.

Он стоит у колонки. Высокий, широкоплечий, в серой футболке и рабочих штанах. Волосы те же светлые, только теперь коротко стриженные. В одной руке он держит заправочный пистолет, в другой ветошь, которой он только что вытирал пальцы. Руки в мазуте. Лицо жёсткое, обветренное, с глубокой складкой между бровей.

Он поднимает голову.

Наши взгляды встречаются, и время замирает.

И весь воздух из салона, нагретый, пахнувший пылью и пылью, вдруг исчезает. Я сижу в вакууме и смотрю, как он смотрит на меня. Ровно столько, сколько нужно, чтобы узнать.

Моя рука сама тянется к ручке дверцы. Хочу выйти. Хочу окликнуть.

Не могу.

Пятнадцать лет. Целая жизнь. Я представляла эту встречу сотни раз. Представляла, что скажу. Что объясню. Что посмотрю ему в глаза и увижу там... что-то. Гнев. Боль. Хоть что-то.

Я вижу.

Пустоту.

Он смотрит на меня, как смотрят на пустое место. Как на пыль на обочине. Как на ошибку, которую исправили много лет назад.

И отводит глаза.

Спокойно вешает пистолет на колонку. Закручивает крышку бензобака, садится в свой внедорожник.

Заводит мотор.

Уезжает.

Даже не оборачивается в мою сторону.

Я опускаю голову на руль и закрываю глаза.

— Ну здравствуй, Егор, — говорю я в пустоту. — Вот я и вернулась.

ГОРЯЧИЕ РОМАНЫ ДЛЯ ВАС!

Сладкая Арман “Бывшие. Дать шанс”

<https://litnet.com/shrt/Jgmm>

Ольга Барина “Осколки”

<https://litnet.com/shrt/8Tap>

Ася Вернадская “Бывшие. осколки разбитого сердца”

https://litnet.com/shrt/_3uS

Мишель Анри “Бывшие. Идеальный план Б”

<https://litnet.com/shrt/1fJV>

Вера Рудецкая “Бывшие. Не возвращайся в мое сердце”

<https://litnet.com/shrt/49LB>

Даника Дива “Развод, Последняя глава”

<https://litnet.com/shrt/HvpO>

Энит Нокс “Снова будешь моей”

<https://litnet.com/shrt/opgR>

Ксения Нежинская “Бывшие. Дочь на память”

<https://litnet.com/shrt/7hbV>

Ярослава А “Бывший муж. Мы встретимся снова”

<https://litnet.com/shrt/n55T>

Агата Санлайт, Ясмина Сапфир “Безумно влюблен и опасен”

<https://litnet.com/shrt/w7bV>

Наталья Хитэль “Развод. Пепел первой любви”

<https://litnet.com/shrt/1deA>

Хэлен До “Я надеюсь”

https://litnet.com/shrt/oM_Y

Зоя Берг “БЫВШИЕ. Не могу тебя забыть”

<https://litnet.com/shrt/Ije4>

София Устинова “Диагноз. БЫВШИЕ. Пепел на губах”

<https://litnet.com/shrt/K42P>

MaylzRous “Одержимость социопата. Жена по контракту”

<https://litnet.com/shrt/tmNA>

Наталия Веленская “БЫВШИЕ. Я больше тебя не предаю”

<https://litnet.com/shrt/xTnt>

Нина Харт “БЫВШИЕ. (Не)обещай любить”

<https://litnet.com/shrt/uFoN>

Ванесса Рай “Стрельцова, я вернулся. Боль прошлого”

<https://litnet.com/shrt/7LMu>

Майя Сушка”Интервью с бывшим”

<https://litnet.com/shrt/KpD3>

Глава 4

Я не знаю, сколько сижу вот так — лбом в руль, с закрытыми глазами. Минуту? Пять? Десять?

Перед глазами стоит его лицо. Вернее, то, во что оно превратилось. Мой Егор, который улыбался легко, открыто, как будто у него внутри был источник света, смотрел на меня как на пустое место.

Он уехал. Даже не обернулся. Его внедорожник скрылся за поворотом, оставив только облако пыли. Пыль осела. Я осталась.

В солнечном сплетении горит тупая, ноющая боль, как после удара.

— Хватит, — говорю я вслух. — Соберись. Ты не восемнадцатилетняя дура. Ты взрослая женщина. Тебе нужно просто найти ночлег, решить вопрос с домом и свалить отсюда к чёртовой матери.

Помогает. Немного. Я открываю глаза, выпрямляюсь. Смотрю на заправку.

Стандартная придорожная заправка: две колонки, облупленный навес, маленькое здание с вывеской «Кафе. Душ. Комнаты отдыха». Возле входа стоит здоровенный дальнбойщик в майке-алкоголичке курит, привалившись к стене. Смотрит на мою машину без интереса.

Я выхожу. Ноги ватные, но я заставляю себя идти.

Внутри пахнет жареной картошкой и дешёвым кофе из автомата. За стойкой работает женщина лет шестидесяти. Полная, крашеная блондинка с уставшим лицом. Она протирает кофемашину тряпкой и не сразу меня замечает. На холодильнике у неё за спиной — магниты. Штук двадцать, не меньше. Я замечаю пальму, Эйфелеву башню и кота с подписью «Сочи».

— Добрый вечер, — говорю я.

Она поднимает глаза. Смотрит на меня. Сначала без интереса. Потом щурится. И вдруг замирает. Тряпка застывает в воздухе.

— Аська? — произносит она. — Вернадская?

Я тоже присматриваюсь. И узнаю. Тётя Зина. Бабушкина подруга. Они вместе работали в сельсовете. Тётя Зина иногда заходила к бабушке чай попить, посплетничать. И приносила пирожки с капустой. Я вдруг вспоминаю вкус этих пирожков: слоёное тесто, хрустящее, солоноватое.

— Здравсьте, тётъ Зин, — говорю я.

— Господи боже ты мой! — Она бросает тряпку, выходит из-за стойки и всплёскивает руками. — Аська! Ты какими судьбами? Сколько лет-то прошло? Десять? Пятнадцать?

— Пятнадцать.

— Ох ты ж... — Она качает головой, оглядывая меня с ног до головы. — Выросла. Взрослая стала. А я смотрю — машина чужая, думаю, кто такой? А это ты.

Повисает неловкая пауза. Тётя Зина явно не знает, что

ещё сказать. Я тоже. Она возвращается за стойку, включает старый чайник с облупленным боком. Достает две кружки.

— Я бабушкин дом продать приехала, — говорю я наконец. — Вы, наверное, знаете, что она умерла?

— Знаю, — кивает тётя Зина. Взгляд у неё становится другим, серьёзным, внимательным. Она ставит кружку передо мной, чай пахнет мятой. — Хорошая была женщина. Я на похоронах была. Весь посёлок был, считай. Кроме тебя.

— Она запретила мне сообщать.

— Знаю, — говорит тётя Зина. — Она мне сама говорила. «Зин, — говорит, — если со мной что случится, Аське не звони. Нечего ей сюда ездить. Не для неё это место». Я ещё спорила с ней, а она упёрлась. Знаешь её характер.

— Знаю.

— Бери бутерброды. Ешь. Выглядишь как с креста снятая. Я откусываю. Хлеб с колбасой. Вкусно. Я понимаю, что не ела с утра.

— Комнату мне бы, тёть Зин. Есть где переночевать?

— Есть. Тысяча рублей. Удобства в коридоре, зато чисто. — Она достаёт откуда-то ключ с деревянным брелоком. — Давай паспорт.

Я протягиваю документ. Тётя Зина записывает данные в амбарную книгу, ведёт ручкой медленно, старательно выводя каждую букву. Потом пододвигает ко мне ключ.

— Тёть Зин, — говорю я осторожно, — а вы... ну, про меня тут что говорят?

Она поджигает губы.

— Да ничего особо. Кто старое помянет — тому глаз вон. Мало кто уже помнит-то. Новые приехали, старые уехали. А кто помнит, те языками зря не чешут. Степан Егоров вон вообще спился, от него слова доброго не дождёшься.

Я кручу кружку в руках.

Степан. Отец Егора. Он был в сговоре с отцом Стаса. Это они дали бабушке денег. Он тогда сказал: «Пусть уезжает и забудет, как страшный сон».

— А Егор? — спрашиваю я. Голос предательски дрожит.
— Он... ну, как он?

Тётя Зина смотрит на меня долгим взглядом. Таким, что мне становится не по себе.

— А ты у него сама спроси, — говорит она наконец. — Если не побоишься.

— Я не боюсь.

— Врёшь. — Она не осуждает. Просто констатирует факт.
— И правильно делаешь, что боишься. Егор — он теперь другой. Не тот парень, которого ты знала.

— А какой?

— Жёсткий. Злой. Жена от него ушла три года назад, дочку бросила. Уехала в город, там у неё хахаль какой-то. А Егор один с Сашкой. Дочка-то хорошая, только колючая вся. Как ёж.

— Я её встретила, — киваю я. — Она камень в мою машину кинула.

Тётя Зина вздыхает.

— Вот и я про что. Колючая. А всё потому, что мать бросила, отец вечно на работе, бабки-дедки толком не помогают. Степан-то совсем плох — пьёт по-чёрному. Егорова мать, Людмила, тоже не подарок — ходит в церковь, грехи замаливает, а сама про тебя такие вещи говорила...

Она осекается.

— Какие вещи? — спрашиваю я.

— Да ну... — Тётя Зина машет рукой. — Не бери в голову. Старые сплетни. Ты ешь давай.

Я допиваю чай. В голове шумит. Значит, у Егора дочь. Жена ушла. Он злой. А Людмила, его мать, до сих пор поливает меня грязью.

Впрочем, чего я ждала? Что меня тут встретят с цветами и оркестром?

— Тётъ Зин, а Стас? — спрашиваю я. — Сомов Стас. Он ещё здесь?

Тётя Зина замирает. На этот раз надолго.

— Здесь, — говорит она тихо. — А куда ему деваться? Депутат районного собрания теперь. Бизнесмен. У него тут два магазина, лесопилка, ещё что-то. Жена — Лена, сын у них. В хорошем доме живут, на холме. Видела, наверное, когда ехала?

Я киваю. Я видела этот дом. Кирпичный, двухэтажный, с черепичной крышей и высоким забором. Он стоял на холме над рекой, как хозяин, который смотрит на посёлок сверху

ВНИЗ.

Депутат. Бизнесмен. Семья. Дом.

А тогда, ночью, пятнадцать лет назад...

Визуализация

Дорогие читатели!
Знакомьтесь, наши герои.

Вернадская Ася, 33 года

Егоров Егор, 33 года

Глава 5

Я тогда лежала на земле за старым клубом, и Стас зажимал мне рот рукой, чтобы я не кричала. От его ладони пахло соляркой. Я вдохнула этот запах и перестала дышать, не только потому, что он зажимал рот, а потому что поняла: никто меня не спасёт. Мне было восемнадцать. Ему — двадцать три. Сын председателя колхоза, золотой мальчик, всеобщий любимец. А Дэн держал меня за плечи и смеялся. Я до сих пор слышу этот громкий, залиvistый смех, как будто он смотрел комедию, а не держал живого беззащитного человека. До сих пор чувствую его пальцы на своих запястьях, крепкие, как тиски. А ещё в память врезался тихий звук, с которым Стас расстегнул ремень. Металлический лязг пряжки. Я никогда его не забуду. Но кто бы мне поверил тогда? Никто и не поверил. А Дэн потом всем рассказал, что я сама юбку задрала и на Стаса залезла. Что мне даже не было совестно предавать Егора.

Пятнадцать лет прошло, а меня до сих пор тошнит от этих воспоминаний.

— Он знает, что я приехала? — спрашиваю я.

— Уже знает, — говорит тётя Зина. — Тут знаешь как — ты только на мост въехала, а в посёлке уже все всё знают. Так что если увидишь машину Стаса возле своего дома — не удивляйся.

— А Дэн? — вырывается у меня.

Тётя Зина удивлённо вскидывает брови. Видно, не ожидала, что я сама назову это имя.

— Дэн-то? Здесь, конечно. Куда ему деваться. У Стаса на лесопилке работает. Пьёт только много. Раньше-то веселее был, а теперь... — Она замолкает, подбирая слова. — Глаза у него бегают. Как у пса побитого.

Меня мутит. Дэн здесь. Работает на Стаса. Ходит по тем же улицам, дышит тем же воздухом. И, наверное, до сих пор всем рассказывает свою версию, в которой я шлюха.

— Ты это... — Тётя Зина понижает голос, — ты с ним не встречайся, Ась. Он теперь дёрганный стал. И пьёт. Кто его знает, что у пьяного на уме.

Я киваю. Ничего не говорю. За окном уже совсем темно.

— Я спать пойду, тётъ Зин.

— Иди. Комната номер три, в конце коридора. Душ там же. Если что надо — стучи.

Я беру ключ и уже поворачиваюсь, чтобы уйти, когда тётя Зина вдруг говорит мне в спину:

— Ась.

Я оборачиваюсь.

— Ты это... будь осторожнее. И с Егором, и со Стасом. А лучше вообще — продай дом и уезжай. Бабка твоя правильно говорила: не для тебя это место. Нечего тебе здесь делать.

— Не могу, тётъ Зин. Дом не продаётся. Его сначала отремонтировать надо.

— А ремонтировать кто будет? — Она смотрит на меня с подозрением.

— Не знаю пока. Но я что-нибудь придумаю.

Тётя Зина качает головой и возвращается к своей кофемашине. Я иду по коридору в комнату номер три. Половица скрипит под ногами.

Комната маленькая. Кровать, тумбочка, стул, окно на трассу. За окном мелькают редкие фары проезжающих машин. Свет проползает по потолку и исчезает. Номер чистый. Пахнет стиральным порошком. Я сажусь на кровать и закрываю лицо руками.

Бабушка умерла. Егор меня ненавидит. Стас — депутат и бизнесмен. А где-то в этом посёлке живёт Дэн, который держал меня, пока Стас насилывал. И ещё он был другом Егора. Лучшим другом. Они росли вместе. И когда Дэн сказал Егору свою версию — Егор поверил. А мне даже не дали оправдаться.

Вот почему он смотрел на меня с такой ненавистью. Вот почему не захотел говорить. Для него я — девушка, которая предала его со Стасом. Которая «сама залезла».

Я ложусь на кровать, не раздеваясь. Сворачиваюсь калачиком и смотрю в стену.

Зачем я приехала? Что я хочу доказать? Кому?

Ответа нет.

Но где-то глубоко внутри, под слоями усталости и страха, шевелится злость. Злость, которую я давила в себе все эти

годы. Потому что легче винить себя, чем злиться на тех, кто это сделал.

Может, я приехала не продавать дом.

Может, я приехала за правдой.

За стеной гудит холодильник. За окном — темнота. И где-то там, в этой темноте, стоит бабушкин дом. Разрушенный. Пустой.

Я закрываю глаза. Сон приходит быстро, тяжёлый, вязкий, без сновидений. Последнее, что я слышу перед тем, как провалиться в темноту, шум проезжающего мимо грузовика.

И где-то очень далеко — собачий лай.

Просыпаюсь я от стука в дверь.

— Ася! Ася, вставай!

Голос тёти Зины. Резкий, тревожный, не такой, как вчера.

Я сажусь на кровати. За окном — серый рассвет. Часы на телефоне показывают 6:12.

— Что случилось? — Я открываю дверь. Тётя Зина стоит на пороге с перекошенным лицом.

— Там это... — Она запинаясь, трёт руки о фартук, как будто не знает, куда их деть. — В общем, ты сама посмотри.

Я выхожу на улицу следом за ней.

Утро холодное. Туман висит над рекой. И в этом тумане, в той стороне, где над рекой стоит бабушкин дом, поднимается столб чёрного дыма. Густого. Жирного. Даже отсюда видно, как он клубится, расплзается по небу.

Я смотрю на него. И не могу пошевелиться.

— Пожар, — говорит тётя Зина. — У тебя, Ась. Кажись, у тебя горит.

Я не отвечаю.

Я уже бегу.

Глава 6

Я еду.

Трасса, грунтовка, поворот. Я выезжаю с заправки, даже не прогрев мотор. Колёса буксуют в пыли. Я гоню по дороге, которую выучила наизусть ещё в детстве.

Дым всё ближе. Чёрный, густой, жирный. Пахнет гарью и палёным деревом.

Пожалуйста, только не дом. Пожалуйста, только не дом.

Я вылетаю из-за поворота и резко торможу.

Горит баня.

Старая, покосившаяся банька на задворках участка. Её бабушка топила каждую субботу. Огонь уже вырвался наружу. Языки пламени лижут утреннее небо, перекидываются на забор, на груды досок, сложенных у стены. Крыша просела и вот-вот рухнет.

Я смотрю на это и не могу пошевелиться. В голове бьётся только одна мысль: если бы ветер дул в другую сторону, горел бы дом. Мой дом. Бабушкин дом.

— Ася! Ася, мать твою!

Крик возвращает меня в реальность. Кричит кто-то из соседей. Я не разбираю кто. Возле бани уже суетятся люди. Мужик в телогрейке тащит ведро, женщина в халате звонит по телефону, мальчишка лет двенадцати бежит от колодца с полным ведром, расплёскивая воду на бегу.

— Пожарных вызвали! — орёт женщина. — Едут уже!

Едут. Из райцентра. Это минут двадцать, не меньше. За двадцать минут баня сгорит дотла. И если огонь перекинется...

Я срываюсь с места.

У колодца стоит ведро. Я хватаю его, кручу ворот. Руки дрожат, но я заставляю их работать. Ведро тяжелеет, я тащу его вверх, перехватывая верёвку. Выливаю воду в бочку, что стоит рядом. Мужик в телогрейке, я наконец узнаю его: дядя Коля, сосед с той стороны, хватает бочку и тащит к бане.

— Ещё! — орёт он. — Ещё давай!

Я снова кручу ворот.

Вода. Ведро. Бочка. Ещё. Ещё.

Дядя Коля плещет воду на пламя. Вода с шипением испаряется, не долетая до огня. Где-то внутри бани с треском лопается оконное стекло. Звон, а потом глухой удар. Я вздрагиваю.

Дым щиплет глаза. Я кашляю, захлёбываюсь, но продолжаю. Мальчишка-сосед таскает вёдра от реки. Женщина в халате, кажется, это его мать, тётя Света, всё ещё висит на телефоне. Вдруг она отводит трубку от уха и кричит нам:

— У пожарных колесо пробило! На мосту! Задерживаются, пол часа ещё!

У меня внутри всё холодеет. Пол часа. Баня сгорит дотла. И если ветер переменится...

Огонь не сдаётся. Баня пылает. Жар волнами накатывает

на лицо, и я чувствую, как кожа на щеках горит. Я в ужасе. Потому что стою здесь, у колодца, и ничего не могу сделать.

— Всё! — кричит дядя Коля. — Не достать уже! Крыша падает!

Я не слышу. Я снова опускаю ведро.

И тут кто-то вырывает его у меня из рук.

— Отойди.

Голос. Низкий. Хриплый. Знакомый до мурашек по телу.

Я поднимаю голову.

Егор.

Он стоит передо мной. В той же серой футболке, что и вчера, только теперь она мокрая от пота. Лицо в саже. Глаза злые, сосредоточенные.

— Ты что здесь делаешь? — вырывается у меня.

— Пожар тушу, блядь! — рывкает он. — Отойди, кому сказал!

Он отодвигает меня в сторону и сам встаёт к колодцу. Крутит ворот с такой скоростью, будто всю жизнь только этим и занимался. Ведро взлетает вверх. Егор хватает его и бежит к бане. Выплёскивает воду. Возвращается.

— Чего встала?! — кричит он мне. — Воду давай!

И я даю.

Мы работаем молча. Я кручу ворот. Он таскает вёдра. Дядя Коля с другой стороны заливает пламя. Мальчишка-сосед сдался, сидит на траве и кашляет. Тётя Света всё ещё висит на телефоне.

Через пять минут или через вечность Егор останавливается.

— Всё, — говорит он. — Хватит.

Я поднимаю голову.

Огонь погас.

Баня стоит чёрная, обугленная, с провалившейся крышей. От неё ещё идёт дым, но уже не чёрный — серый, жидкий. Пламени больше нет. Забор, доски, угол сарая, всё обгорело, но дом цел.

Дом цел.

Я опускаюсь на траву. Стоять больше не могу. Я сижу и смотрю на баню, и слёзы текут по моим щекам. Я даже не сразу это понимаю. Просто вдруг чувствую, что лицо мокрое.

— Ась, — говорит дядя Коля. — Ты это... ты руки-то покажи.

Я смотрю на свои руки.

Ладони красные. Кожа вздулась волдырями. Я не чувствовала боли, пока крутила ворот, а теперь чувствую. Острую, пульсирующую боль, которая накрывает волной от пальцев до локтей.

— Ожоги, — говорит тётя Света. — В больницу надо.

— Нет здесь больницы, — отвечает дядя Коля. — Фельдшер только по вторникам. А сегодня четверг.

Я смотрю на свои ладони и молчу. Больно. Очень больно. Но это странная боль, она отрезвляет. Сдувает туман из го-

ловы. Я смотрю на то, во что превратилась баня, и внутри что-то сжимается в тугой узел.

— Бензин, — говорит Егор.

Все оборачиваются на него.

Он стоит у стены бани, на корточках, и что-то разглядывает в траве. Потом поднимается. В руке он держит тряпку. Грязную, промасленную.

— Чувствуете запах? — говорит он. — Бензин. Кто-то облил стену и поджёг.

Повисает тишина.

— Да кому это надо? — растерянно говорит тётя Света.
— Кому Асин дом мешает?

Я молчу. Я знаю кому. Но я не скажу.

— Пожарные едут, — говорит дядя Коля. — Пусть смотрят. Участковому надо сообщить.

— Я позвоню, — говорит Егор.

Он достаёт телефон и отходит в сторону. Я слышу обрывки разговора: «Серёг... да... у Вернадской... нет, баня... посмотрите там».

Я сижу на траве и смотрю на свои руки. Волдыри набухают. Боль пульсирует в такт сердцу. Я не могу пошевелить пальцами. Но дом цел. Дом цел.

Егор возвращается.

— Участковый приедет. Скажи ему всё, что видела.

— Я ничего не видела. Я спала.

— Тогда скажи, что спала. — Он смотрит на меня сверху

вниз. — Руки покажи.

Я протягиваю ладони. Он осматривает их, и что-то меняется в его лице.

— Пошли.

— Куда?

— У меня аптечка в клинике. Обработаю.

Я медлю. Он замечает.

— Идти можешь?

— Могу.

— Тогда вставай. Пока волдыри не полопались.

Я встаю. Ноги ватные, еле держат. Мы идём через посёлок. Он впереди, я сзади. Люди смотрят на нас. Я чувствую их взгляды. Кто-то смотрит с удивлением, а кто-то осуждающе. Егор не оборачивается.

Ветклиника — одноэтажное здание на другом конце посёлка. На двери висит табличка: «Ветврач Егоров Е. С. Часы приёма...» Дальше не разобрать — краска облупилась. Внутри пахнет мокрой собачьей шерстью. Егор кивает мне на стул и достаёт аптечку.

— Давай руки.

Я протягиваю ладони. Он берёт их за запястья. Пальцы у него горячие, шершавые. Я смотрю на его сосредоточенное, хмурое лицо. На скулы, на складку между бровей. Он не смотрит мне в глаза.

— Будет щипать?

— Терпи.

Льёт антисептик. Я шиплю сквозь зубы.

— Терплю.

Он наносит мазь. Медленно, тщательно. Его пальцы скользят по коже, и каждое прикосновение отзывается где-то глубоко внутри. Я молчу. Он молчит.

— Кто? — спрашивает он глухо.

Я молчу.

— Я спросил — кто это сделал?

— Не знаю.

Он поднимает глаза. Я выдерживаю его взгляд.

— Не знаю, — повторяю я. — Я здесь всего второй день. Кому я могла помешать?

Егор молчит. Потом возвращается к перевязке.

— Может, случайность, — говорит он. — Может, пацаны баловались.

— С бензином?

— Права. С бензином не балуются.

Он заканчивает бинтовать. Завязывает узел. Отпускает мои руки.

— Всё. Три дня не мочить. Мазь два раза в день. Придёшь послезавтра — посмотрю.

— Спасибо.

— Не за что.

Егор отворачивается к шкафчику. Убирает мазь, антисептик. Закрывает дверцу. Стоит ко мне спиной и снова делает вид, что меня не существует.

Я встаю. Иду к двери. У порога останавливаюсь.

— Егор.

Он не оборачивается.

— Почему ты пришёл?

Пауза.

— Посёлок маленький, — говорит он наконец. — Если бы дом сгорел, огонь мог перекинуться на соседей.

Я киваю. Это не вся правда. Но пока достаточно.

Я выхожу. Утро уже разгорелось вовсю. Солнце встало над рекой. Я иду по посёлку, и люди смотрят на меня.

Дом цел. Руки забинтованы. Впереди — куча проблем.

Пусть меня ненавидят, пусть смотрят волком, я не уеду.

Пока не закончу то, зачем приехала.

Глава 7

Из клиники я иду пешком. До заправки минут пятнадцать. Руки болят, пульсируют под бинтами. Утренний ад-реналин схлынул, оставив после себя ватную слабость и ноющую боль. Я не завтракала и даже ещё не пила кофе. Я тушила пожар.

Нормальное такое утро вторника.

Дальнобойщик, что вчера курил у входа на заправку, теперь сидит на лавочке и пьёт кофе из бумажного стаканчика. При виде меня он кивает:

— Это у тебя горело?

— У меня.

— Потушили?

— Потушили.

— Ну, считай, повезло. Могла вся халупа сгореть.

Халупа. Он даже не знает, как близок к истине. Халупа

и есть. Только теперь это моя халупа, с которой я не знаю, что делать.

Внутри заправки тётя Зина протирает стойку. Увидев меня, она всплёскивает руками:

— Господи, Аська! Что с руками? Сильно обожглась? Садись давай, я чай поставлю!

— Не надо, тёть Зин. Я лучше в душ. Можно?

— Можно, конечно. Полотенце в комнате, там же мыло. Только руки не мочи!

Я иду в комнату номер три. Беру полотенце, чистое бельё, зубную щётку. В душевой кафель старый и с трещинами, занавеска в рыжих разводах. Улавливаю запах сырости и хлорки, но вода горячая, и это сейчас — лучшее, что со мной случилось за последние сутки.

Я стою под струями, выставив забинтованные ладони наружу, как два флага капитуляции. Вода барабанит по плечам, спине, лицу. Смывает сажу, пот, запах дыма.

После душа становится легче. Я переодеваюсь в чистое, расчёсываю мокрые волосы, смотрю на себя в зеркало. Длин-

ные тёмные прямые волосы. Серо-зелёные глаза сейчас воспалённые от дыма. Бабушкин нос с небольшой горбинкой. Женщина тридцати трёх лет. Не девочка. Но вполне себе ничего.

Я спускаюсь в кафе. Тётя Зина уже поставила на стойку чай и тарелку с омлетом.

— Ешь давай. Заслужила.

Я сажусь за столик у окна. Омлет горячий, чай сладкий. Я ем и смотрю на дорогу. Мимо проезжают машины. В основном грузовики и старенькие легковушки. Посёлок просыпается. Где-то мычит корова. Далеко слышен лай собаки.

— Тётъ Зин, — говорю я. — А кто у нас тут может дом отремонтировать?

Она задумывается.

— Ну, смотря что делать. Если крышу перекрыть, проводку поменять, печку переложить — это одно. Если так, по мелочи — другое.

— Всё вместе. Мне бы бабушкин отремонтировать.

— Тогда бригада нужна. Из райцентра можно заказать, но дорого. А из местных... — Она замолкает, трёт подбородок. — Колька-сосед, он руками работать умеет, только пьющий. Может, день поработает, а потом неделю в запое. Ещё Петрович есть, но он старенький уже. А так, только Егор.

Я отставляю чашку.

— Егор? Он же ветеринар.

— Так он до клиники строителем работал. У него и бригада своя была — Серёга, Костян, ещё кто-то. Сейчас, конечно, меньше строит, но летом всё равно подрабатывает. Руки золотые. Если возьмётся — сделает качественно. Но...

— Что «но»?

— Сама знаешь.

Я знаю. Егор меня ненавидит. Он не возьмётся. Даже если я предложу тройную цену.

— А кроме Егора — вариантов нет?

— Можно из райцентра. Дорого. И ждать долго. У них сейчас сезон.

Я допиваю чай. Значит, Егор. Других вариантов нет. Либо он, либо я буду жить в развалюхе до конца лета.

— Ладно, — говорю я. — Пойду.

— Куда?

— К Егору.

Тётя Зина качает головой.

— Ох, Аська. Ох, нелёгкая тебя принесла.

Я выхожу на улицу. Солнце уже поднялось высоко. Я иду пешком к бабушкиному дому. Полчаса по грунтовке, мимо колодца, мимо покосившихся заборов. Машина стоит там же, где я её оставила вчера у дома, вся в пыли и пепле. Я сажусь за руль, завожу мотор.

Теперь — к Егору.

Дом Егора я помню с детства. Добротный, кирпичный, с большим двором. Когда-то здесь жила вся семья Егоровых: Степан, Людмила и сам Егор. Теперь, насколько я знаю, Степан живёт отдельно на краю посёлка, а Людмила живёт в ма-

леньком домике при церкви. Она там поселилась после разрыва со Степаном, а здесь — только Егор и Саша.

Я паркуюсь у забора. Выхожу. Сердце колотится.

Во дворе пусто. Собачья будка новая, свежеструганная, но собаки нет. Качелей, на которых я когда-то качалась и ждала пока выйдет Егор, больше нет. Крыльцо новое, забор новый, только дом старый. Ему лет пятьдесят, не меньше.

Я подхожу к двери и стучу.

Тишина.

Я стучу ещё раз. Громче. Дверь вздрагивает под кулаком.

Дверь открывается.

На пороге стоит Саша. В пижаме, с растрёпанными волосами. Глаза сонные, но когда она видит меня мгновенно просыпается.

— Ты? — говорит она. — Что тебе надо?

— Папа дома?

— А тебе какое дело?

— Саша, — говорю я спокойно. — Мне нужно с ним поговорить.

Она не отвечает. Просто стоит в дверях и злобно смотрит.

Почему она меня так ненавидит? Вряд ли Егор ей рассказывал неудачную историю любви своей молодости. Значит соседские кумушки постарались или бабушка Люда. И для неё я просто теперь источник зла.

— Сашка, прекрати, — раздаётся сзади.

Я оборачиваюсь.

Егор стоит у ворот. В рабочей одежде. Видно, после нашего разговора в клинике он уже успел съездить куда-то. Он подходит к крыльцу, кладёт руку Саше на плечо.

— Иди в дом.

— Пап, она...

— Иди в дом, я сказал. Потом поговорим.

Саша разворачивается и уходит, бросив на меня последний испепеляющий взгляд. Егор смотрит на меня.

— Что тебе нужно?

Глава 8

— Мне нужна твоя помощь.

— Я уже помог. Ожоги обработал.

— Я по другому вопросу. Мне нужно отремонтировать дом.

Я слышала смешок.

— И ты пришла ко мне?

— Кроме тебя некому. Тётя Зина сказала, в райцентре бригаду ждать месяц. А у меня нет столько времени ждать. Дом вот-вот развалится. Если не перекрыть крышу до осенних дождей, он сгниёт окончательно. Тётя Зина сказала, у тебя бригада была.

— Была, — говорит он. — Сейчас реже собираемся. Но парни есть.

— Мне нужна твоя помощь. Ты — единственный, кто может взяться за починку это развалюхи. Я заплачу. Назовёшь цену сам.

— У меня клиника.

— Но ты же можешь совмещать. Мне сказали, что летом ты подрабатываешь стройкой.

Он молчит. Я вижу, как он придумывает, как бы ещё отмазаться от меня.

— Ты серьёзно? — говорит он наконец. — Ты серьёзно пришла ко мне и просишь меня о помощи? После всего, что

было?

— После всего, что было, — повторяю я. — После того, что ты знаешь. Или думаешь, что знаешь.

Он делает шаг ко мне.

— Я знаю, что ты уехала. Изменила мне с сынком председателя и уехала. Оставила меня одного здесь, униженно-го. Мне Дэн всё рассказал. Каждая бабка норовила мне посочувствовать, весь посёлок только это и обсуждал.

Дэн.

От этого имени меня до сих пор бросает в дрожь. Я понимаю, что Егор до сих пор верит. До сих пор верит своему другу, который держал меня, пока Стас насиловал. Смеялся. А потом всему посёлку рассказал, что это я шалава.

— Это неправда, — говорю я тихо.

— Да? А как было? Ну давай, расскажи.

Я открываю рот. И закрываю.

Слова не идут. Я не могу вымолвить ни звука. Сейчас не время. Потому что я знаю: он не поверит. Пятнадцать лет он жил с версией Дэна. С версией, в которой я — предательница. Сейчас он не поверит. Нужны доказательства. А у меня их нет. Пока нет.

— Я не могу, — говорю я. — Не сейчас.

— Тогда о чём разговор? — Он разворачивается и идёт к калитке.

— Егор, подожди.

Он останавливается, но не оборачивается.

— У меня нет других вариантов, — говорю я. — Ты можешь меня ненавидеть. Можешь презирать. Но я прошу тебя, просто почини дом. Я заплачу, и мы больше никогда не увидимся.

Он стоит спиной ко мне. Потом медленно поворачивается.

— Почему ты вернулась?

— Бабушка умерла. Оставила дом. Я хочу продать его.

— Продать? И уехать? Навсегда?

— Да.

— Ладно, — говорит он. — Я посмотрю дом. После скажу, что нужно купить и сколько это будет стоить. Если договоримся, мои парни начнут с выходных.

Я не верю своим ушам, и жду, что он сейчас скажет: «Шутка».

— Но у меня условие, — говорит он.

— Какое?

— Мы чиним твой дом, ты его продаёшь и сваливаешь отсюда. Не хочу больше видеть здесь твоё милое личико. Без тебя было проще. И ты не ворошишь прошлое. Не хочу опять всё это вспоминать.

Он говорит это даже как-то устало, что мне становится обидно. Но у меня нет другого выбора.

— Хорошо, — говорю я. — Я согласна.

— Тогда жди. Я подъеду через час.

Он разворачивается и уходит. Я всё ещё стою на крыльце

и не могу пошевелиться. Он согласился.

Я не знаю, хорошо это или плохо. Я не знаю, что всё-таки заставило его помочь мне. Может, деньги. Может, реальное желание больше не видеть меня. Но он согласился.

Я сажусь в машину. Я сделала первый огромный шаг. Дом будет отремонтирован. Я продам его и уеду.

И никто не узнает правду.

Эта мысль приходит внезапно и бьёт пощёчину. Потому что ещё утром я думала иначе. Ещё утром, после пожара, во мне кипела злость. Я хотела говорить. Хотела, чтобы все узнали. А теперь я согласилась на условия Егора. И одно из них — не касаться прошлого.

— Прости, бабуль, — шепчу я. — Но я, кажется, опять выбираю бегство.

Я завожу мотор.

Через час Егор стоит на пороге бабушкиного дома. Он в рабочей одежде, с рулеткой и блокнотом. В доме пахнет гарью. После пожара запах до сих пор не выветрился, висит в воздухе. Я показываю ему всё: крышу, печь, проводку, трубы. Он молча ходит по дому. Проводит ладонью по треснувшей печке и отдёргивает руку, испачканную в саже. Вытирает пальцы о штаны. Что-то записывает в блокнот.

— Крыша, — говорит он наконец. — Полная замена. Стропила гнилые, шифер в трещинах. Печь — переложить. Проводка — под замену. Трубы тоже. Полы в двух комнатах

перестелить. Веранду — снести и новую пристроить.

— Сколько?

Он называет сумму.

Я прикидываю свои сбережения. Остаётся впритык. На еду, бензин и непредвиденные расходы. Если я заплачу Егору, моя кадушка останется пуста. Но выбора нет.

— Хорошо, — говорю я. — Я согласна.

— Тогда с субботы начинаем.

— Почему не завтра?

— Мужики еще не доделали прошлый объект. А я буду с дочерью. — Он захлопывает блокнот. — И ещё кое-что.

— Что?

— Пока идёт ремонт, тебе нужно где-то жить. Здесь ты жить не сможешь. Тут нет ни отопления, ни света.

— Я на заправке. У тёти Зины.

— В каморке для дальнобойщиков? — Он хмыкает. — Нормальная каморка для мужика, которому надо переночевать и ехать дальше. Но не для женщины, которая собирается жить здесь два месяца. У меня есть времянка во дворе. Летняя кухня бывшая. Там душ, плита, кровать. Можешь пока там пожить.

Я смотрю на него в ужасе и жду, что сейчас он рассмеётся.

— Ты серьёзно?

— Я не шучу.

— Зачем ты мне это предлагаешь? Ты же меня ненавидишь.

— Ненавижу, — говорит он спокойно. — Но ты заплати-
ла за ремонт, а я отвечаю за результат. Если ты заболеешь
или сляжешь, кто будет следить за домом? Заодно за строй-
материалами присмотришь, чтобы не растащили. Тут паца-
ны шарятся по ночам.

Он говорит это слишком быстро, и не смотрит мне в глаза.
Я понимаю, он что-то не договаривает. Причина моего при-
глашения не только в этом. Но я не буду допытываться. Пока.

Я в полном недоумении. Это слишком странно. Слишком
неожиданно.

— Саша будет против, — говорю я.

— Саша поймёт.

— С чего ты взял?

— Я с ней поговорю. — Он смотрит на меня устало. —
Ну что? Согласна?

Я думаю. Каморка у тёти Зины. Или времянка у Егора.
Рядом с ним. Рядом с Сашей. Рядом с прошлым, которое
настигает меня как лавина.

— Согласна, — говорю я. — Только давай без сюрпризов.
Я заплачу за аренду.

— Не надо. Просто не сожги дом.

— Это не я подожгла баню.

— Да знаю я.

Он уходит. А я остаюсь стоять в пустом доме, среди пыли
и мышинного помёта. Я только что согласилась жить во дворе
у человека, который меня ненавидит.

Вот это поворот.

Глава 9

Переезд во времянку занял ровно пятнадцать минут. Пятнадцать минут, и я стою посреди чужой летней кухни с сумкой в одной руке и пакетом продуктов в другой.

Времянка оказалась неожиданно приличной. Это совсем была не развалюха, как я себе представляла. Небольшое кирпичное строение в углу двора, метрах в десяти от основного дома. Одна комната, крошечный душ, плитка на две конфорки, холодильник, стол, стул, кровать с панцирной сеткой. На окне висит ситцевая занавеска в цветочек, выгоревшая до белизны.

— Тут бывшая жена жила, — говорит Егор, заметив мой взгляд. — Когда мы ссорились.

Я киваю и ничего не спрашиваю. Не моё дело.

— Туалет на улице. Бойлер нагревается за полчаса. Вода из колодца. Если свет вырубится счётчик в доме, я покажу. Вопросы?

— Пока нет.

— Тогда располагайся. Я уйду в клинику. Сашка у подруги, вернётся к вечеру. Не советую попадаться ей на глаза.

— Я поняла.

Он кивает и выходит. Я остаюсь одна.

Ставлю сумку на пол. Сажусь на кровать. Сетка прогибается, пружины протяжно заскрипели. Я ложусь и смотрю на

деревянный потолок. И не замечаю, как проваливаюсь в сон.

Снится бабушка.

Она стоит на крыльце своего дома. Дом целый, такой, какой я его запомнила. Бабушка смотрит на меня. Глаза строгие, губы поджаты, руки скрещены на груди. Она ничего не говорит. Просто смотрит. А я не могу подойти. Ноги не идут. Будто приросли к земле.

— Бабуль, — говорю я. — Прости. Я не приехала на похороны. Не попрощалась с тобой.

Она молчит.

— Я дом продам, — говорю я. — Обещаю. Я всё сделаю.

Она печально качает головой.

— Ты не за этим приехала, — говорит она.

И я просыпаюсь.

За окном уже серые сумерки. Часы показывают начало восьмого. Я проспала почти весь день. Во рту сухо, голова тяжёлая. Я встаю, пью воду из-под крана, плещу в лицо холодной водой.

«Ты не за этим приехала».

Что это было? Сон. Просто сон. Мозг перерабатывает дневные события. Никакой мистики. Но внутри что-то саднит. Бабушка никогда не говорила со мной во сне. Никогда. А теперь мне приснилось это.

Я выхожу во двор. Воздух прохладный, небо затянуто облаками. В доме Егора горит свет на кухне. Я вижу его силуэт. Он стоит у окна, пьёт чай или кофе.

Я отворачиваюсь и иду к калитке.

Ноги сами несут меня к бабушкиному дому. Я не планировала туда идти. Но сон не выходит из головы. «Ты не за этим приехала». Что бабушка имела в виду? Что я приехала не продавать дом, а... зачем? За правдой? За мстостью? За искуплением?

Я обхожу дом кругом. Егор с парнями уже накидали на крышу временную плёнку, чтобы не текло. Наверное, заезжал сюда днём, пока я спала. Захожу внутрь.

В доме сумрачно. Я сажусь на старый стул посреди комнаты и смотрю по сторонам. Бабушка прожила здесь всю жизнь. Она забрала меня после смерти родителей. Вырастила. Выучила. И отпустила.

Я встаю и снова иду на чердак. Сама не знаю зачем. Может ещё раз перебрать вещи, которые мне напоминают бабушку. Только здесь я поняла, как по ней скучаю и как мне ее не хватает. Так всегда бывает. Имеем- не ценим.

На чердаке всё по-прежнему. Сундук, коробки, прялка. Пыльная мебель, накрытая покрывалом. Старая швейная машинка «Зингер» с чугунной станиной. Бабушка когда-то строчила на ней мне платья. Я подхожу к машинке. Провожу рукой по пыльному корпусу. И замечаю ящик.

Ящик для ниток и иголок. Я открываю его.

Внутри лежат катушки, напёрсток, сантиметр. И тетрадь. Тонкая, в клеточку, с загнутыми уголками. Я достаю её. Открываю.

Узнаю бабушкин почерк.

«20 июня. Сегодня у Аси выпускной. Как же она выросла. Красивая. Вся в меня в молодости. Егор глаз с неё не сводит. Степану это не нравится. Знаю, он против. Не хочет, чтобы сын женился на бесприданнице. Дурак Степан, против любви не попрёшь».

Я сажусь на пол и продолжаю читать.

«22 июня». Ася с Егором поссорилась. Говорит, он её ревнует к Стасу. Я её предупреждаю, чтобы она от него подальше держалась. Не нравится он мне, у него вечно глаза бегают».

У меня перехватывает дыхание. Бабушка предупреждала меня насчёт Стаса. А мне он и не нужен был, я без памяти Егора любила. Представляла, как под венец с ним иду в белом платье. А Стас стал хвостом виться, не знала, как отделаться.

Читаю дальше.

«25 июня. То, чего я боялась случилось. Ася прибежала ночью. Вся в слезах. Блузка порвана. Я всё поняла без слов. Она сказала — Стас. И Дэн. Держал её, пока тот... Господи, за что? Моя девочка. Моя бедная девочка».

Я закрываю глаза. Слёзы текут по щекам. Меня флешбэком возвращает в тот вечер. Помню, как бабушка молча налила мне чай. Как сидела рядом, пока я плакала. Она не задала ни одного вопроса, просто гладила по голове.

«26 июня. Приходили двое. Сначала Сомов-старший. По-

ложил на стол конверт. Сказал: «Здесь достаточно, чтобы начать новую жизнь. Подальше отсюда. Пусть уезжает в город.» Глаза холодные, как у рыбы. И вообще он весь скользкий, отвратительный. Я сказала ему, что не возьму. Он угрожать начал. Сказал, что если Аська не уедет, будет хуже».

«Приходил Степан Егоров. Участковый наш. В форме. Я думала помочь пришёл. А он сел за стол и сказал: „Ты ничего не докажешь. Против Сомовых никто не пойдёт. Скажут, сама виновата. А Егору я не дам с ней связаться. Не для того я сына растил, чтобы он на испорченной женился“. Я плюнула ему под ноги. Он хмыкнул и ушёл. А через месяц говорят, запил. С участка ушёл. Людмила, жена его, в церковь подалась грехи замаливать. Чьи — его или свои? Кто теперь разберёт».

«27 июня. Я взяла деньги. Господи, прости меня. Я взяла. Думала: самое страшное уже случилось. Этого не исправить. Но, может, эти деньги помогут Асе уехать. Начать новую жизнь. Забыть этот посёлок. Забыть Стаса. Забыть Егора».

«28 июня. Ася уехала. Я не остановила. Отдала ей конверт. Сказала: «Это от меня на первое время. Она поверила. Она не знает, откуда эти деньги. И пусть никогда не узнает».

«15 августа. Егор уехал в город. Говорят, в институт поступил на ветеринара. Дэн работает у Стаса на лесопилке. Всё устроилось. Только Ася не пишет. И я не пишу. Может, так лучше. Может, если забыть — станет легче. Но я не за-

бываю. Я каждый день думаю о том вечере. И каждый день прошу у Бога прощения, что не смогла её защитить».

Последняя запись в дневнике:

«1 марта. Я старая. Сердце барахлит. Надо написать завещание. Дом оставляю Асе. Она вряд ли вернётся. И правильно. Нечего ей здесь делать. Но если вдруг... пусть знает: я её любила. И я ей верила. Всегда».

Дальше — чистые страницы. Я закрываю дневник.

Вот оно. Вся правда. Бабушка знала. Бабушка верила. Она взяла деньги не из слабости, а из любви. Она думала, что так будет лучше. Что я начну новую жизнь. Что прошлое останется в прошлом.

И оно осталось бы. Если бы я снова не приехала сюда.

Я сижу на полу чердака, прижимая дневник к груди, и плачу. Я не плакала так с того самого вечера. Я пытаюсь успокоиться, взять себя в руки. Но слёзы всё льются и льются потоком.

Сомов-старший. Степан Егоров. Деньги. Сговор. Они всё решили за меня. Они просто купили моё молчание и бабушкино молчание. А Егор так ничего и не узнал.

Я слышу шум мотора. Выглядываю в слуховое окно. У дома тормозит внедорожник Егора. Он выходит, осматривается. Наверное, заметил, что дверь в дом открыта.

Я быстро вытираю слёзы. Прячу дневник во внутренний карман куртки. Спускаюсь вниз.

Мы сталкиваемся на пороге.

Он смотрит на мои красные глаза.

— Ты чего тут?

— Ничего.

— Я увидел, что дверь распахнута. Думал, опять кто-то лазает.

— Это я лазаю. В своём собственном доме.

Он щурится.

— Ты плакала.

— Нет.

— Врать ты не умеешь.

Я опускаю глаза и молчу. Чувствую тяжесть дневника под курткой. Чувствую каждое слово.

Я могу сейчас показать ему. Могу вытащить дневник и сказать: «Читай. Вот что случилось. Вот что твой отец сделал. Вот почему я уехала».

Мои пальцы уже сжали край тетради. Я уже открыла рот, чтобы сказать. И остановилась.

Потому что одного дневника мало. Бабушка — моя бабушка. Она любила меня. Егор может сказать: «Она написала это, чтобы тебя защитить». Или просто не станет читать.

Мне нужно больше. Хочу, чтобы Степан сознался, что сделал это, чтобы нас рассорить. Хочу, чтобы Дэн рассказал правду. И в конце концов хочу, чтобы Стас получил по заслугам.

Один осколок — это ещё не вся картина. Нужно собрать их все.

— Что ты там делала? — спрашивает Егор.

— Просто смотрела на бабушкины вещи. Вспоминала.

— Что вспомнила?

— Бабушку. Школу. Выпускной.

Он едва заметно вздрагивает.

— Выпускной, — повторяет он. — Да. Помню.

Мы смотрим друг на друга. Интересно, что он помнит. Как мы танцевали? Как клялись в вечной любви? Или как через несколько дней ему рассказали, что я переспала со Стасом?

Я выхожу на крыльцо. Он запирает дверь. Мы стоим рядом в темноте.

— Егор.

— Что?

— Ты когда-нибудь сомневался?

Он поворачивается ко мне.

— В чём?

— В том, что я тебе изменила. Ты хоть раз подумал: а вдруг всё было не так?

Повисла тяжёлая пауза. Егор смотрит куда-то в темноту, за моё плечо. Достает из кармана сигареты. я не видела, чтобы он курил. По крайней мере раньше он этого не делал. Закуривает. Огонёк на секунду выхватывает его усталое жёсткое лицо. Он не сильно изменился, только глубокая складка между бровей появилась.

— Не важно, — говорит он наконец. — Уже не важно.

Пятнадцать лет прошло.

— Важно. Для меня важно.

Он ничего не отвечает. Садится во внедорожник. Заводит мотор.

— Иди спать, Ася. Завтра тяжёлый день. Надо будет купить всё для ремонта. А мне еще по делам надо.

— Спокойной ночи, — говорю я.

— Спокойной.

Я возвращаюсь во времянку. Прячу дневник под матрас и ложусь на кровать. До ремонта ещё несколько дней.

Несколько дней, чтобы начать собирать осколки. Первый — Степан. Он был там. Он всё знает. И он мне всё расскажет. Даже если не захочет, я заставлю.

Глава 10

Следующее утро.

Я просыпаюсь рано от непривычной тишины. В городе тебя окружает непрекращающийся шум: машины, соседи, сирены. Здесь — ничего. Только ветер гудит в проводах и где-то далеко мычит корова.

Я лежу под тонким одеялом и смотрю в темноту. Сегодня я пойду к Степану Егорову.

Отец Егора. Бывший участковый. Я не знаю, где он живёт теперь. Но я знаю, у кого спросить.

Тётя Зина уже на посту. На заправке пахнет свежим кофе и выпечкой. Она только что приняла утренний завоз. Увидев меня, она всплёскивает руками:

— Аська! Ты чего в такую рань?

— Привет, тёть Зин. Не горело. Мне адрес нужен.

— Чей?

— Степана Егорова.

Она замирает. Чайник в руке висит над чашкой.

— Зачем тебе Степан?

— Поговорить.

— О чём?

— О прошлом.

Тётя Зина молчит. Потом ставит чайник и садится напротив меня.

— Ась, ты это... не лезь ты туда. Степан — он совсем плохой стал. Пьёт по-чёрному. Забыл всё, что было, и что не было тоже забыл. Ты от него ничего не добьёшься.

— Адрес, тётъ Зин.

Она качает головой. Но адрес даёт.

Дом Степана стоит на самом краю посёлка, почти у леса. Это даже не дом — изба. Покосившаяся, с просевшей крышей. Забор рухнул, дорожка заросла крапивой в человеческий рост. Единственный признак жизни — это струйка дыма из печной трубы.

Я стучу в дверь. Нет ответа. Стучу громче.

Слышу за дверью шорох. Потом кашель. И голос:

— Кого там принесло?

— Откройте, Степан Петрович.

Дверь приоткрывается. В щели — лицо. Морщинистое, серое, с красными прожилками на носу. Глаза мутные. Он смотрит на меня секунд десять. Потом дверь открывается шире.

— Аська, — говорит он. — Вернадская.

— Я.

— Слышал, что ты вернулась. Заходи.

Внутри пахнет перегаром. Пустые бутылки вдоль стены. Гора немытой посуды. Стол завален какими-то бумагами. На стене висит старая фотография в рамке. На ней Егору лет десять. Он на рыбалке, держит щуку за жабры и улыбается. Степан садится на продавленный диван и кивает мне на та-

бурет.

— Садись. Выпить хочешь?

— Нет.

— А я выпью.

Он наливает мутную жидкость в гранёный стакан. Руки дрожат. Выпивает залпом. Морщится.

— Зачем пришла?

— Поговорить.

— О чём? О прошлом? — Он усмехается. — Нечего говорить. Было и было.

— Вы приходили к бабушке. После той ночи. Вместе с Сомовым-старшим.

Он замирает. Стакан застывает на полпути ко рту.

— Откуда знаешь?

— Бабушка дневник оставила. Она всё записала.

Минута тишины. Я вижу, как в мутных глазах Степана что-то просыпается. Страх.

— Дневник, — повторяет он. — Надо же.

— Вы сказали бабушке, что я ничего не докажу. Что против Сомовых никто не пойдёт. Что вы не дадите Егору на мне жениться.

Он молчит.

— Это правда?

Он допивает. Ставит стакан на стол. Смотрит в окно.

— Правда, — говорит он тихо.

Я жду, что он продолжит.

— Ты не думай, — говорит он наконец, — я не против тебя лично был. Ты девчонка хорошая была. Красивая. Егор тебя любил, я же видел. Но я хотел, чтобы он выучился. Понимаешь? Ветеринарный институт, диплом, профессия.

— А я?

— А ты... — Он вздыхает. — Если бы вы поженились — какой институт? Ты бы родила, он бы на ферму пошёл. И всё. Вся моя мечта — коту под хвост. Я не мог этого допустить.

Я молчу. Понимаю его логику. Не принимаю, но понимаю.

— Но вы не просто «не допустили». Вы меня уничтожили. Вы сказали бабушке, что я ничего не докажу. И она взяла деньги. Из-за вас.

— Я знаю. — Он трёт лицо ладонями. — Я знаю. Я каждую ночь об этом думаю.

— А Егор? Он знает?

Степан качает головой.

— Нет. Я не говорил. И Людмила не говорила. Мы просто... мы просто хотели, чтобы он уехал. Забыл тебя.

Начал новую жизнь.

— И что в итоге?

Он закрывает глаза.

— В итоге он уехал. Поступил. На первом курсе познакомился с Иркой. Она вроде ничего была. Весёлая такая, бойкая. А потом забеременела. Институт бросила, его чуть не отчислили, еле выкарабкался. Родила Сашку. После учёбы вернулись сюда. Я думал — ну, всё, устроилось. А потом Ир-

ка сбежала. Сашке одиннадцать было. Три года назад. Просто собрала вещи и уехала в город. Сказала: «Не могу больше в посёлке прозябать. Не моё это.»

Он замолкает. Я вижу перед собой просто старого, уставшего человека, который своими руками разрушил жизнь сыну.

— Я ведь чего боялся? Что он жизнь свою загубит. А получилось — помог ему загубить. Если бы я тогда не полез... может, у вас иначе сложилось бы. Может, он был бы счастлив.

Я не знаю, что ответить. Может, были бы счастливы. А может, нет. Этого уже не узнаешь.

— Сомов-старший, — говорю я. — Он где сейчас?

— Умер. Пять лет назад. Сердце.

— А Стас?

— Стас — депутат. Бизнесмен. Ты, наверное, уже знаешь. — Он сплёвывает на пол. — Яблочко от яблони. Только хуже. В отце хоть изредка что-то человеческое просыпалось. А этот... этот может и по-другому вопрос решить.

Я вспоминаю баню. Бензин. Чёрный дым.

— Вы знаете, кто поджёт баню?

— Не знаю. Но догадываюсь. — Он смотрит на меня. — Уезжай, Ася. Правда. Бабка твоя правильно хотела, чтоб тебя здесь не было. Не лезь к Стасу. Он опасный. Опаснее отца.

— Вы это бабушке говорили?

— Говорил.

— И что она?

— Она меня за порог выставила. — Он усмехается невесело. — У неё характер был ого-го. Железная баба.

Я встаю.

— Спасибо за разговор.

— Постой.

Я оборачиваюсь.

— Ты Егору расскажешь?

— Ещё не знаю.

— Расскажи. — Я читаю в его глазах мольбу. — Он должен знать. Хватит ему жить с чужой правдой.

— Почему вы сами ему не рассказали?

Он отводит взгляд.

— Стыдно. И страшно. Он мне не простит.

— А мне простит?

Он лишь пожимает плечами.

Я выхожу.

На улице свежий ветер. Я стою на крыльце и вдыхаю полной грудью. Внутри бурлит странная смесь опустошения и облегчения. Степан подтвердил. Степан признал. Я не видела в Степане злодея, лишь отца, который слишком сильно любил сына и слишком поздно понял, что натворил.

Но легче от этого не становится. Его мотивы ничего не меняют. Он предал меня. Он предал закон, который должен был защищать. Он сломал не только мою жизнь, он сломал жизнь Егору. Своими руками.

Я иду обратно в посёлок.

По дороге мне встречается Саша.

Она выходит из магазина с пакетом молока. Мы сталкиваемся у дверей. Увидев меня, замирает. Я жду, что она сейчас скажет что-то злое. Но она стоит и смотрит. Как-то странно. Без привычной агрессии.

— Ты чего? — спрашиваю я.

— Ничего.

— Точно?

— Точно. — Она переминается с ноги на ногу. Потом вдруг выпаливает: — Это ты баню подожгла?

Я моргаю.

— Что?

— Ну, папка говорит — поджог. А я подумала — может, ты сама. Чтобы внимание привлечь.

Вот это поворот. Я смотрю на неё и не знаю, смеяться или плакать. Она правда так думает? Или просто ищет повод меня обвинить?

— Саша, — говорю я. — Я тушила эту баню своими руками. У меня до сих пор ожоги не зажили. Зачем бы мне её поджигать?

Она хмурится. Видно, что ответ её не устраивает, но и возразить нечего.

— Тогда кто?

— Не знаю. Может, ты знаешь?

Она резко отводит взгляд.

— Откуда мне знать.

— Ты в тот вечер гуляла с ребятами. Ты могла что-то видеть.

— Ничего я не видела! — Она почти кричит. — Отстань!
И убегает.

Я смотрю ей вслед. Она что-то видела. И молчит. Почему?
Боится? Или защищает кого-то?

Глава 11

Глава 11

Я не бегу за ней. Бесполезно. Если надавить сейчас, она спрячется ещё глубже. Нужно ждать. Нужно дать ей время.

Я возвращаюсь во времянку. Сажусь на кровать.

В голове крутится один и тот же вопрос: что видела Саша? Если бы она видела Дэна или кого-то из людей Стаса, она бы, наверное, рассказала отцу. Побоялась бы, но рассказала. Но она не рассказала. Почему?

Потому что покрывает кого-то.

Кого подросток будет покрывать? Того, кого боится. Или того, с кем дружит. Или того, кто на него влияет.

Я вспоминаю всё, что знаю о Саше. Четырнадцать лет. Мать бросила. Отец вечно занят. Бабушка Людмила пичкает сплетнями. Друзья — подростки с улицы. Дэн. Тётя Зина упоминала, что он иногда заходит к Егору.

Дэн.

Я закрываю глаза. Если Дэн как-то замешан...

Я слышу шум во дворе. Егор вернулся из клиники, гремит инструментами в сарае. Я выхожу. Он поднимает голову, коротко кивает, как всегда. Я киваю в ответ.

— Ты Сашу не видела? — спрашивает он.

— Видела. У магазина.

— Она какая-то дёрганая в последние дни. Не могу по-

нять в чём дело.

— Твоя дочь точно будет обсуждать свои проблемы не со мной. Я ей не подруга, Егор.

— Ты права. Но если что-то узнаешь, скажи.

— Скажу.

Он возвращается в сарай.

Ближе к вечеру я снова выхожу во двор. Саша сидит на крыльце одна и ковыряет носком кроссовка землю. Я подхожу и сажусь рядом. Не близко, на расстоянии метра. Чтобы она не чувствовала давления.

Мы долго молчим. Я смотрю на облака. У неё голова опущена вниз.

— Жарко сегодня, — говорю я.

— Ага.

— Лето в этом году душное.

— Ага.

— Саша.

Она напрягается.

— Я не буду уговаривать тебя рассказать, что ты видела. Хочешь — расскажешь. Не хочешь — не надо. Но я хочу, чтобы ты знала: я не твой враг.

Она не уходит. Уже хорошо.

— Ты думаешь, я приехала, чтобы навредить твоему папе, — продолжаю я. — Это неправда. Я приехала продать дом. И уехать. Но кто-то очень не хочет, чтобы я спокойно это сделала.

Она поднимает глаза.

— Ты про пожар?

— Про пожар.

Она отводит взгляд. Я вижу, как у неё дрожит подбородок.

— Саша, — говорю я тихо. — Я никому не скажу. Обещаю.

Она долго молчит. Я терпеливо жду. И наконец она выдавливает:

— А если это был кто-то... кого вы знаете?

— Я многих здесь знаю.

— А если это был кто-то, кого я... ну...

Она замолкает. И вдруг всхлипывает.

— Это я.

Я не двигаюсь. Не говорю ни слова.

— Я подождала, — продолжает она, и голос дрожит, срысывается. — Я не хотела, чтобы так сильно. Я думала, ну загорится немножко. Я думала, вы испугаетесь и уедете. Я не знала, что оно так полыхнёт. Честное слово, не знала.

Она плачет. Слезы катятся градом, она размазывает их кулаками, и вся её колючесть, вся агрессия — всё исчезает. Остаётся просто ребёнок. Испуганный. Запутавшийся.

— Саша, — говорю я. — Посмотри на меня.

Она не поднимает глаз.

— Саша, посмотри.

Она поднимает. Я протягиваю ей руки, они всё ещё в бинтах.

— Видишь? Я обожглась, когда тушила баню. Мне было больно. Мне до сих пор больно.

Она кивает. Губы дрожат.

— Ты хоть понимаешь, что могла дом спалить? — Мой голос звучит жёстче, чем я хочу. Я делаю паузу, беру себя в руки. — Ты могла меня убить. Понимаешь?

— Понимаю, — шепчет она.

— Зачем? Зачем ты это сделала?

— Я не знаю. — Она трёт глаза. — Я просто хотела, чтобы вы уехали. Про вас бабушка Людмила говорила... всякое. Что вы папе жизнь сломали. Что вы его предали. Я думала, если вы уедете, он наконец успокоится.

— Я не бросала твоего отца. Меня заставили уехать.

— Я уже поняла, — говорит она тихо. — Вы на неё не похожи.

— На кого?

— На маму. Она нас бросила.

Я смотрю на неё: на дрожащие губы, на красные глаза, на сжатые кулаки. Она ждёт. Ждёт, что я закричу или пойду к Егору. Или вызову полицию.

— Саша, ты натворила глупостей. Очень плохих. И я очень разозлилась. Я до сих пор злюсь. Но я не буду кричать. И не расскажу твоему отцу.

— Почему?

— Потому что криком ничего не исправишь. Я это знаю. Я беру её за руку. Она удивлена, но не вырывается.

— Ты расскажешь отцу сама. Когда будешь готова. Я не буду тебя торопить. Но это твой поступок, и это тебе за него отвечать. Договорились?

Она кивает.

— И ещё кое-что.

— Что?

— Ты это придумала сама? Или тебе кто-то помог?

Она колеблется. Я вижу, как она борется с собой, выдать или промолчать.

— Дядя Дэн, — говорит она наконец. — Он просто сказал...

— Что сказал?

— Я с ребятами у реки сидела. А он мимо шёл, пьяный. Остановился. Сказал: «Эх, Сашка, была бы ты постарше, помогла бы мне эту Вернадскую выкурить. Баньку бы ей подпалить, чтоб знала, куда лезет». Я не думала, что он всерьёз. Но потом... я вспомнила. И подумала, а почему нет? Канистра у нас в сарае, бензин тоже. Я думала — это просто шалость. Я не думала, что так будет.

Дэн. Это имя вызывает во мне ярость. Он даже не подстрекал целенаправленно. Он просто пьяный ляпнул при ребёнке, не думая о последствиях. И ребёнок воспринял это как руководство к действию.

— Саша, — я пытаюсь говорить, как можно спокойнее, не показывать все свои эмоции, что бурлят у меня внутри. — Ты понимаешь, что Дэн тебя использовал?

— Как?

— Он даже не помнит, наверное, что сказал. Он просто напился и бросил фразу. А ты... ты могла сесть. За поджог.

Она молча переваривает, а потом выдаёт:

— Вот сука.

Ребёнок не должен так говорит, но чёрт возьми, как она права.

— В общем, да, — говорю я. — Согласна.

Дальше мы молчим. Небо темнеет. Из открытого окна дома тянет жареной картошкой с луком — Егор уже приготовил ужин.

— Ася.

— Что?

— Прости...я правда не хотела, чтобы всё так вышло.

И тут дверь распахивается, старая петля скрипит, и на пороге стоит Егор.

Лицо у него серого цвета. Я сразу понимаю, что он услышал то, чего не должен был. Саша не успела ему рассказать сама. Это плохо.

Саша замирает.

— Пап...

— Я всё слышал, — говорит он.

Глава 12

Шок. Саша замирает на полуслове. Я вижу, как у неё подкашиваются колени. Она смотрит на отца, в надежде увидеть хоть искорку понимания.

— Пап, я...

Он делает медленный тяжёлый шаг. Весь его вид говорит о том, что он в ярости. Он в ужасе. Он сдерживается из последних сил.

— Ты! Ты подожгла баню?

Саша не в силах ответить. Просто стоит и дрожит.

— Отвечай!

— Да, — выдавливая она из последних сил.

Егор закрывает глаза. Я вижу, как он борется с собой. Крикнуть? Ударить кулаком в стену? Развернуться и уйти? Он не делает ничего. Просто стоит и не шевелится.

— Как? — говорит он наконец. — Как ты могла?

— Я не хотела... — Саша плачет. — Я не думала, что так будет. Я просто хотела, чтобы она уехала.

— Почему? — Голос Егора ломается. — Почему ты так хотела, чтобы она уехала?

Саша горько плачет. Слёзы текут по щекам. Она смотрит на меня и отводит взгляд.

— Саша, — говорю я тихо. — Скажи ему. Не бойся.

Она зажмуривается. А потом выпаливает:

— Потому что я боюсь!

— Чего? — Егор хмурится.

— Что ты в неё влюбишься!

Повисает тишина. Саша открывает глаза.

— Ты в неё уже влюбился, да? — говорит она, и голос дрожит. — Я же вижу. Ты смотришь на неё по-другому. Ты с ней разговариваешь по-другому. Даже когда злился — всё равно по-другому.

Егор ничего не отвечает. Мне сказать тоже нечего.

— Я хочу, чтобы мама вернулась, — продолжает Саша.
— Я хочу, чтобы мы жили как раньше. Когда у нас всё было нормально. А теперь она вернулась, и всё становится только хуже. Ты на меня кричишь. Бабушка говорит, что она тебе жизнь сломала. А вдруг опять сломает?

Егор дёргается.

— Бабушка много чего говорит. Не всё из этого правда.

Саша замолкает. Переводит дыхание.

— Сашка, — говорит Егор. — Мама не вернётся. И Ася тут совсем не при чём. Она не вернётся, потому что мы с ней не подходим друг другу. Ты же знаешь, мы пробовали. Не получилось.

— Но ты же её любил когда-то!

— Любил. По-своему. Но этого было мало. — Он делает шаг к дочери. — Ты пойми: мама ушла не из-за кого-то. Она ушла, потому что не смогла. Так бывает. Взрослые тоже иногда не справляются.

Саша всхлипывает. Вытирает нос рукавом.

— Саша, — говорит Егор. — Ты — лучшее, что случилось в моей жизни. Ты со мной. И это самое важное для меня.

Она кивает. Потом разворачивается и идёт в дом.

Мы остаёмся вдвоём. Егор и я.

— Ты могла сгореть. Моя дочь подожгла баню. И ты могла сгореть.

— Но не сгорела.

— Почему ты защищаешь её? Ты должна злиться, быть в ярости!

Я качаю головой:

— Я не защищаю. Я просто не добиваю.

Я посмотрела в окно дома. Там, за занавеской, движется тень — Саша. Не спит. Ждёт отца. Знает, что у них ещё состоится тяжёлый разговор.

— Мне нужно поговорить с ней наедине, — говорит он.

— Иди.

— А ты?

— Я пойду к себе.

Он разворачивается и уходит в дом. Я остаюсь во дворе одна. Стою и смотрю на тёмные окна. За одним из них — Егор и Саша. Отец и дочь. Разговор, который изменит всё.

Я не знаю, что он ей скажет. Может быть, накричит. Может быть, обнимет. Но что-то уже сдвинулось. Что-то уже изменилось.

Я сажусь на крыльцо времянки и смотрю на звёзды.

Голоса из дома звучат приглушённо, но не резко. Не кричат. Уже хорошо.

Я не знаю, сколько проходит времени. Полчаса? Час? Дверь дома открывается, и выходит Егор. Идёт ко мне через двор. Садится рядом на крыльцо.

— Как она? — спрашиваю я.

— Плачет. Но ничего, вроде всё поняла. Я не кричал.

— Это хорошо.

— Я хотел. Очень хотел. Но вспомнил, как ты сказала: «Я просто не добиваю». И не стал.

Он поворачивается ко мне.

— Ты изменилась, — говорит он.

— Ты тоже.

— Я не про внешность.

— Я знаю.

— Ася, - говорит Егор через некоторую паузу

Я поднимаю на него глаза и жду, что он скажет.

— Я хочу знать всё. Что случилось в ту ночь. Почему ты мне изменила. Почему уехала. Всё.

— Это долгий разговор.

— У нас есть время.

— Не сегодня. Сегодня и так достаточно признаний.

Он кивает. Встаёт. Делает шаг к дому. Останавливается.

— Завтра, — говорит он. — Я приду. И ты расскажешь

— Хорошо.

Он уходит. Хлопает дверь. Я остаюсь на крыльце. Смотрю

на звёзды.

Завтра я расскажу ему всё. Про ту ночь. Про Стаса. Про его отца. Про пятнадцать лет молчания.

Но это будет завтра.

Девочки, моя история участвует в литмобе «Бывшие. Память о любви»!

Встречайте одну из книг:

«Стрельцова, я вернулся! Боль прошлого»

от Ванессы Рай. 18+

<https://litnet.com/shrt/UwI4>

- Тань, следующего юбилея не будет. Этот последний.

- Что?

- Я с тобой развожусь. Ну, неинтересна ты мне, как женщина. Перегорел, прости. Мне молодые бабы нравятся. До тридцати. А тебе уже тридцать пять. Через пять лет будет сорок и так... по нарастающей. Семья мне не нужна. Я хочу молодую или молодых...

Вместо подарка на юбилей свадьбы я получила от мужа предложение развестись. После шумного развода мы пошли разными дорогами. А через пять лет случайно встретились.

Стрельцов хочет меня вернуть. Любой ценой.

Глава 13

Он приходит утром.

Я уже не сплю. Точнее сказать, я вообще почти не спала. Всю ночь прокручивала в голове слова, которые скажу. Подбирала. Отбрасывала. Думала. Думала. Как объяснить человеку то, о чём сама старалась не думать пятнадцать лет?

Он стучит. Я открываю.

На пороге стоит Егор. В яркой голубой футболке, волосы влажные после душа. Он держит в руках две кружки.

— Кофе. Решил, что он не будет лишним.

Я беру кружку. Кофе чёрный, сладкий. Я делаю глоток. Горячо. Жизнь становится чуть более терпимой.

— Заходи.

Он садится на стул. Я определяю себе место на кровати. Нас разделяет небольшой столик. Утренний свет пробивается сквозь ситцевую занавеску. Времянка залита солнцем.

— Как Саша? — спрашиваю я.

— Спит. Всю ночь ворочалась, но сейчас уснула. Я её не будил.

— Правильно.

Он ставит кружку на стол.

— Ты обещала рассказать. Я готов.

Я делаю глубокий вдох. Вот он. Момент, которого я ждала и боялась пятнадцать лет.

— Двадцать пятое июня, — говорю я. И я так волнуюсь, что мне кажется, что это говорю не я, а кто-то со стороны. — Через несколько дней после выпускного. Ты ждал меня у реки. А я не пришла.

— Это я помню.

— Я шла к тебе. Правда шла. — Я замолкаю. Дальше слова даются тяжело. — У старого клуба меня тормознул Стас. Егор напрягается. Я вижу, как у него каменеет лицо.

— Он был не один. С ним был Дэн.

— Дэн. — Егор повторяет за мной, как эхо.

— Стас схватил меня. Я стала вырываться. Тогда Дэн взял меня за руки. Сзади. — Я показываю. — Вот так. Вывернул. Я кричала, Стас зажал мне рот.

— Сука. — Егор произносит это тихо, сквозь зубы.

— Тут Дэн испугался, — продолжаю я. — Он бормот

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.